

Научная статья

УДК 82(82-1/29)

DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-349-372

**Биографический сюжет
в сборнике Ю. Крузенштерн-Петерец «Стихи. Книга 1»**

Анна Александровна Богодерова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Аннотация

Прослеживается биографический сюжет Ю. Крузенштерн, представительницы русской эмиграции в Шанхае. Работа выполнена в рамках структурно-семантического подхода, применяется метод мотивного анализа. Выделены три этапа сюжета (легкомысленная юность, брак с Петерецем, его смерть и последующий этап жизни), обозначены сопутствующие им оккультные мотивы (расплата, гадание на картах Таро, зеркало). Сопоставление поэтического и мемуарного автопортретов позволяет уточнить семантику мотивов. В стихах Юстина Крузенштерн представляет себя кающейся грешницей, не сумевшей вовремя распознать знаки судьбы, в то время как в мемуарах она создает себе позитивный образ смелой и сильной женщины, берущей судьбу в свои руки.

Ключевые слова

русская поэзия Шанхая, Ю. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, мотив, биографический сюжет

© Богодерова А. А., 2023

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Богодерова А. А. Биографический сюжет в сборнике Ю. Крузенштерн-Петеретс «Стихи. Книга 1» // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 349–372. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-349-372

Biographical Plot in the Collection of Works “Poems. Book 1” by Yu. Kruzenshtern-Peterets

Anna A. Bogoderova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Abstract

The article deals with the biographical plot of Yustina Kruzenshtern, a representative of the Russian emigration in Shanghai. The work is performed within the framework of the structural-semantic approach, the method of motive analysis is applied. Three stages of the plot are described (frivolous youth, marriage with Nikolai Peterets, his death and the next stage of life), the accompanying motifs are identified. Peterets's death of within this plot is the payback for some mystical guilt. A halo of mystery is created around the couple's life through many occult motifs: fortune-telling, preordained and unbreakable bonding, mystical retribution. The heroine sees the key to understanding her tragedy in the European hermetic tradition (the Albigensians, Cagliostro, Papus, Tarot), but its meaning remains obscure and enigmatic.

Accompanying motifs of the house and the mirror reflect the mood or a stage of the heroine's life, reveal the truth about herself. The plots of world literature serve as a kind of “mirrors”, looking into which the heroine learns her own life, her biographical plot.

A comparison of poetic and memoir self-portraits allows us to clarify the semantics of biographical motifs. In the poems, the motifs in the memoirs are expressed concisely, while in the poems they unfold into whole pictures. In the poems, Yustina Kruzenshtern presents herself as a penitent sinner who failed to recognize the signs of

fate in time, while in the memoirs she creates a positive image of a brave and strong woman who takes her fate into her own hands.

Keywords

Russian poetry in Shanghai, Yu. Kruzenstern-Peterets, N. Peterets, motif, biographical plot

Acknowledgements

The research is executed with financial support of RSF (no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as the sphere of literary transfer”)

For citation

Bogoderova A. A. Biographical Plot in the Collection of Works “Poems. Book 1” by Yu. Kruzenshtern-Peterets. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 349–372. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-349-372

Поэтам восточной ветви русской эмиграции было свойственно стремление к мифотворчеству, проявлявшееся в их лирике, в созданных ими псевдонимах, в мемуарных портретах. Исследователи отмечают важность личной мифологии для поэтов харбинского круга (А. Несмелов, Н. Щеголев, Г. Гранин, Л. Андерсен, Н. Петерец) [Забияко, Эфендиева, 2008, с. 33].

Поэтесса и журналистка Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец (1903–1983) занимает в этом ряду особое положение. Она начала свой путь в Харбине – посещала поэтический кружок «Чураевка» Ачаира и сотрудничала в харбинских газетах. Однако более широкое поле деятельности она нашла в Шанхае, где стала известна как поэт, фельетонист, переводчик, редактор, журналист. В Шанхае состоялся ее брак с поэтом Николаем Петерецем, а затем воссоединение с другими бывшими чураевцами. Ее воспоминания и статьи служат источником сведений о поэтах харбинской «Чураевки», о культурной жизни Шанхая, о кружке «Пятница», возглавляемом Николаем Петерецем.

Восприятие образа Юстины Крузенштерн ее современниками обозначено в исследовании А. Забияко и Г. Эфендиевой в связи с ее псевдонимом Merry Devil: «Опираясь на этот псевдоним и зная о готовности Юстины Владимировны к художественной игре, остроумный Петерец написал шутовское обращение к своей супруге в духе народной английской поэзии, где «милая Мэри» является традиционным образом немного беспутной, но веселой и хозяйственной возлюбленной» [Там же, с. 101]. Слово «merry» для ее коллег было сходно по звучанию с именем Mary, поэтому в переписке, в обращениях к ней имя Мэри было привычным и частым. Жизне-

любие, дерзость и смелость, воплощенные в «Милой Мэри» и Merry Devil, в воспоминаниях современников дополняются описанием ее твердости и принципиальности. Широкую известность получило ее «Открытое письмо Наталии Ильиной» (1957), в котором Юстина Крузенштерн протестует против искаженного изображения судеб реальных людей из русского Шанхая в романе писательницы-репатриантки [Герра, 2010, с. 272–275].

Однако личная мифология и самоопределение Юстины Крузенштерн, проявленные в ее поэзии, не вызывают у исследователей большого интереса. В данной статье мы рассмотрим сборник ее стихов «Стихи. Книга 1» и представленный в нем биографический сюжет, отличающийся от того, что описано в мемуарах.

Сборник «Стихи. Книга 1» (1946) был издан в Шанхае в один из самых тяжелых периодов в жизни автора. За два года до этого умер от болезни ее муж Николай Петерец. После окончания войны положение русской диаспоры в Шанхае ухудшилось настолько, что многим пришлось бежать за границу. Для автора это был момент осмысления прошлого и определения дальнейшего пути.

В книге представлены стихотворения, созданные, «по заданию» в кружке «Пятница» (вероятно, до смерти Петереца в 1944 г.) и лирика 1945–1946 гг. Героиня стихотворений исследует свой духовный путь, отношения с людьми, Богом, судьбой, Родиной и собственным творчеством.

Мы не претендуем на реконструкцию биографии Юстины Крузенштерн, это не входит в задачи статьи, посвященной мотивному анализу. Однако для более точного выявления семантики главных мотивов сборника необходимо указать их биографический контекст. Рассматривая темы и мотивы сборника, попытаемся сопоставить их с деталями биографии автора, представленной в «Воспоминаниях» Юстины Крузенштерн (1971). Это наиболее подробный материал о ней при всей его субъективности. К сожалению, опубликованная часть воспоминаний заканчивается на смерти Петереца, а значит, невозможно сказать, как в мемуарах оценивается последующий период. Издатели альманаха «Россияне в Азии» планировали и другие публикации и, очевидно, имели в распоряжении необходимые материалы, но выпуск издания был прекращен.

Обращает на себя внимание различие между тем положительным автопортретом, который Юстина Крузенштерн создает в своих мемуарах, и ее

поэтической автобиографией, вобравшей болезненные переживания и отразившей темные стороны жизни.

В воспоминаниях это сильная, решительная женщина с активной жизненной позицией, с твердыми представлениями о порядочности, долге и чести. Вся ее история жизни – история человека, которому не в чем себя упрекнуть. С особой гордостью она отметит, что является дочерью офицера и наследницей традиций Заамурского полка, благодарна людям, научившим ее дисциплине и выдержке (см. [Крузенштерн-Петерец, 1994, с. 48; 1999, с. 55]). В описании своих взаимодействий с литераторами и сотрудниками газет, чиновниками и участниками политических обществ Юстина Крузенштерн акцентирует ситуации, в которых она вела себя смело и принципиально, не боясь ни японцев, ни китайцев, ни фашистов, ни коммунистов. В воспоминаниях часто встречаются отстаивание независимости и творческой свободы в журналистике, борьба с несправедливостью, умение за себя постоять и даже демонстрация силы. Однако она не пренебрегала и другим трудом, умела выживать и отстаивать свои интересы. Иронически она упоминает, что ее называли Иродиадой и газетной Леди Макбет. Для Николая Петереца она верная жена, разделяющая с ним его труд и беды, берущая на себя земные вопросы, в то время как он занят философскими поисками. Она отучала его от наркотиков, защищала от недоброжелателей. Создавая свои записки, она продолжает защищать его от осуждения. В отличие от современников, Юстина Крузенштерн не видит в нем ничего зловещего и демонического. Все моменты, связанные с неоднозначной ролью Петереца по отношению к кружку Ачаира, смягчены, зато подчеркнуты ситуации, когда он сам оказался жертвой (конфликт с младороссами). Петерец в ее изображении – самоотверженный, но оторванный от реальности мечтатель, которого использовали, гнали и унижали клеветой. В отношении религии сначала она указывает на православие, которое исповедовала ее семья, затем добровольно выбранный католицизм. Переход между конфессиями, очень кратко упомянутый в мемуарах, состоялся в период обучения во французском университете «Аврора» (примерно в 1938 г.).

Поэтическая версия своей биографии создается Юстиной Крузенштерн в «Пустыне», «Зеркала» и «Доме». Автор как будто показывает изнанку собственной истории, представленной в мемуарах. Образ Юстины Крузенштерн в стихах – кающаяся грешница, оплакивающая свою прежнюю жизнь. Она не боится признаться в собственной слабости и незначительно-

сти, признать пережитое поражение. Обрушившиеся на нее несчастья – мучительное искупление некой вины, проигранная игра с судьбой.

Возникает вопрос: какие события получили такое отражение? В чем состояло ее «распятые» и какую вину необходимо было так болезненно «искупать»? Воспоминания, записанные в 1970-е гг., спустя 30 лет после указанных событий, не дают ответа ни на этот, ни на другие вопросы, связанные с темами сборника (причины разрыва Крузенштерн с первым мужем Степановым, переход в другую конфессию, роль оккультизма в ее жизни). Это не соответствует цели автора, намеренного оставить достойный образ самой себя, закрепить свою репутацию и писательский облик.

Можно выделить 3 этапа биографического сюжета, важных для Крузенштерн: легкомысленная юность, брак с Петерецем, его смерть и последующий этап жизни. Наиболее полно все три представлены в венке сонетов «Пустыня» и «Доме» («Как не люблю я пошлости музеев»); в ряде других стихотворений – отдельные мотивы.

1. **Легкомысленная юность.** Лирическое «я» Крузенштерн – в прошлом свободолобивая гедонистка, обожающая всё земное, страстное и опасное. Она создает себе житнетворческий образ роковой женщины и «недоступной блоковской звезды». Муза, выражающая ее самоощущение в этот период, названа «языческой пэри». На более позднем этапе жизни женские образы этого типа («дьявол-женщина» Лилит, неоднозначные блоковские героини) будут вызывать у нее отторжение («Незнакомке»), воспоминания об этой части прошлого вызывают горечь («Рабле»). Но в молодости она стремится превратить жизнь в игру, низвергает всё святое, наслаждается легкомыслием и цинизмом, умением флиртовать и кружить головы.

А счастье женщины? Боа мохнатым
Укутавшись, играть минутной властью
Над каждым, кто захочет быть рогатым,
И обольщать придуманною страстью.

Кокетничать и назначать свиданья,
Вытягивать ненужные признанья,
Платя за все, по-шулерски, изменой,
Чтоб разбирая к старости архивы,
Самой себе заметить, чуть фальшиво,
– Да, жизнь была когда-то бурной... пенной...

[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 13]

При этом в ее мемуарах трудно найти даже упоминания о такой модели поведения. Описывая свои отношения с первым и вторым мужем, она избегает неприятных фактов. Повествование о фактически распавшемся к 1930 г. браке с С. Ф. Степановым (1874–1934) занимает в тексте три абзаца, выдержано предельно кратко и нейтрально, без упоминания причин разрыва.

Тот же нейтральный и уважительный тон выдерживают в ее отношении и другие мемуаристы (В. Перелешин, Л. Андерсен), за исключением негативно настроенного Слободчикова с его «компроматом» на чету Петерец. Так, в своих воспоминаниях В. Слободчиков сообщает, что лично застал супругов Петерец за употреблением героина [Слободчиков, 2005, с. 185–186]. Юстина Крузенштерн в его изображении – скандальная и злая особа с псевдонимом «Машка Дьявол» (игра с созвучием *Merqu* и *Maqu*), искажавшая истину в своих статьях о Чураевке [Там же, с. 161].

Однако мемуары, как и поэзия, субъективны по своей природе, то и другое направлено в большей степени на создание мифологизированного образа человека, чем на строгую фиксацию фактов. Невозможно установить точно, имели ли место в реальности эти измены и легкомыслие, но они определенно являются частью поэтического автопортрета и укладываются в общую логику книги стихов. Какой бы ни была фактическая сторона дела, в литературном «воссоздании» собственной жизни Крузенштерн нуждается именно в образе не безупречного, но живого человека со стремлением к счастью и полноте бытия.

Отдельный интерес вызывает тема «дьяволизма» в стихах и воспоминаниях. В мемуарах описано, как она с легкостью и бесстрашием берет себе псевдоним *Merqu Devil* [Крузенштерн-Петерец, 1998, с. 70], ей нравится образ смеющегося надо всем дьявола. В стихотворении «Дом» («Как не люблю я пошлости музеев») дьявол – воплощение коварных мистических сил, преследующих героиню, однако невозможно не заметить ее интерес к дьявольскому архетипу. В рабочем столе героини лежит «набросок песни о Лилит» как знак прежних сомнительных увлечений («О дьявол – женщина! Опять / Явилась душу мне терзать» [Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 59]). Некий «Дьявол Смеха» в стихотворении «Карусель» сумел «поставить штамп» на центральную женскую фигуру, из-за чего никто не видит ее страдания, ее настоящее лицо. «Дьявольский» образ, когда-то привлекавший смелостью и дерзостью, обращается в помеху и неприятное напоминание о темном прошлом.

2. **Брак с Николаем Петерцем.** В этом браке супруги, при всём их взаимопонимании, всё же причиняли друг другу боль, а их общие мистические поиски не принесли желаемых результатов. Николай Петерц присутствует в сборнике и как персонаж, и как адресат стихотворений. Его изображение абсолютно комплиментарно. В мемуарах Юстина Крузенштерн может назвать его «веселым забулдыгой», рассказать о его смешных выходках, но в ее поэзии – эпитафия гению, «веселому поэту», который «взметнулся, словно яркая комета, / Из человеческой, из земной неволи» [Крузенштерн-Петерц, 1946, с. 15]. И в мемуарах, и в лирике подчеркнуты его возвышенность, жертвенность, а его «демонизм» – только игра.

В мемуарах много внимания уделено комической стороне жизни с Петерцем, в рассказе о его сватовстве преобладает юмористический тон, однако в поэзии вокруг этой темы создается мистический ореол, концентрируются мотивы тайны, неразрывности и предначертанности этой связи.

В то же время жизнь супругов далека от идиллии. В контексте сборника в целом любовь – весьма конфликтная область, с ней связаны темы ревности и мучительства. То, что выходит на первый план в стихотворениях раздела «Зеркала» о вымышленных персонажах, в стихотворении о Петерце едва намечено, оставлено недоговоренным и нераскрытым (упоминание «той, прежней, твоей», признание героини: «Что с того, что ты замучен мною?» [Там же, с. 31]). В мемуарах автор более открыто обозначает свою позицию: «...я от природы лишена необходимой для женщины способности принадлежать. Я никогда не чувствовала этого “твоя”: у меня всегда было – “мой”. Главным в моей личной жизни была моя семья, а муж чем-то вроде приложения к ней» [Крузенштерн-Петерц, 1999, с. 92].

Важное место в биографическом сюжете занимает оккультная интрига («Творчество», «Дом» («Как не люблю я пошлости музеев») ¹). Оба супру-

¹ Судя по этому стихотворению, интерес Крузенштерн к оккультизму, магии и Таро был более глубоким и стойким, чем это представляется по ее мемуарам. Это хорошо согласуется тем фактом, что харбинская и шанхайская диаспоры активно интересовались проблемами эзотерики, спиритизма и магии (см. [Конталева, 2018; Забияко, Землянская, 2013; Землянская, 2013]). С другой стороны, вероятно, этот интерес проявлялся лишь в один период ее жизни и не был всепоглощающим мироощущением. В анализируемом сборнике всего одно стихотворение представ-

га обращаются к мистике герметической традиции (Каббала, Папнус), причем Петереца интересует философская часть (учение о Сефиротах), а более прикладной аспект – Таро как гадальные карты – ассоциируется с самой Юстиной Крузенштерн. Она отказывается от чуждых ей каббалистических и астрологических изысканий:

Но как мне высчитать мой срок, –
Мой ум для знания не создан,
Я – не ученый астролог,
Я не прочту судьбы по звездам.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 3]

Однако мистическая увлеченность не приносит пользы и превращается в замкнутый круг: она, с одной стороны, мешает непосредственно воспринимать жизнь, отнимает любовь и радость, с другой – требует гораздо более серьезного отношения, чем супруги Петерец способны проявить: «Нужно было иметь и дерзание и силу, / А у нас это все разъедала печаль» [Там же, с. 62]. Именно человеческая слабость, неумение в познании дойти до конца, стать посвященным и прочесть тайные знаки судьбы оборачивается катастрофой.

3. Смерть Николая Петереца и новый этап жизни. Николай Петерец скончался 11 декабря 1944 г. от воспаления легких. В опубликованной части воспоминаний его смерть обозначена лишь коротко, самое болезненное и важное обходится молчанием. Не упомянут эпизод с явлением его духа на поминках, описанный в мемуарах современников ([Перелешин, 2011, с. 216; Бакич, 2005, с. 178–179²; Андерсен, 2006, с. 356]). Однако в лирике смерть Петереца порождает ряд мотивов: мучительное умирание, горе, лишаящее рассудка, возмездие (вдовство как расплата за вину), тоска и желание вернуть покойного.

Эти мотивы разворачиваются не только в биографических стихотворениях («Дом», «Зеркало» («Ты зовешь меня к себе на небо»), «Подари мне цветное стекло»), но и в сюжетах, связанных с историческими лицами, литературными персонажами, вымышленными героями («Искупление», «Дом», «Донна Анна»). Мотив расплаты представлен почти во всех разделах сборника: это и личная вина героини перед нравственными законами

ляет эту тему в таких подробностях, в более поздней лирике тема перестает быть актуальной.

² В статье О. Бакич [2005, с. 178] цитируется письмо Марии Коростовец Валерию Перелешину от 24 июня 1969 г.

и искусством («Пустыня», «Сирень», «Рабле»), и судьба Марии Антуанетты из проклятой королевской династии («Искупление»), и мистическая расплата русского масона, доверившегося авантюристу Калиостро («Дом»). Мотив вдовства связан не только с лирической героиней Крузенштерн, но и со множеством других персонажей (вдова последнего Капета, Донна Анна и даже богиня Изида, потерявшая своего мужа Осириса). Мотив возвращения из мира мертвых есть и в «Донне Анне». Мучительная смерть Мольера («Мольер») соотносима с картиной смерти Петереца (смерть от легочного заболевания, укор использовавшим, но не ценившим его «льстецам и тупицам»). Хотя в отношении не датированных стихотворений следует проявить осторожность (неизвестно точно, до или после смерти Петереца они созданы), в некоторых из них упомянутые мотивы складываются в картину, похожую на ту, что есть в биографических стихотворениях.

Значение смерти Петереца, нарочно затемненное в стихотворениях, можно обозначить следующим образом: это злой рок, мистическая трагедия, предупреждения о которой не были вовремя поняты. Это расплата (причем не столько Петереца, сколько самой Юстины) за тайную вину, суть которой остается непрогнозируемой (возможные варианты: прикосновение к темным началам бытия, «дьяволизм», житнетворческие притязания). Именно это событие больше всего подходит на роль зашифрованной величайшей личной трагедии в венке сонетов «Пустыня», это момент «казни» и «искупления», когда героиня старалась сохранить достоинство («Я никому не кинула проклятья / В мой страшный день, в день моего распятья» [Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 17]). В этой катастрофе карты Таро не только не помогли, но и предали, муза «обманула картою гадаальной». С имеющимися данными трудно восстановить суть этой «тарологической» ошибки или подмены. В мемуарах Крузенштерн Таро и вообще оккультная тематика не упоминается ни разу. Возможно также, гадала не она сама себе, а воспользовалась чьей-то услугой (например, ей составляла гороскопы Мария Коростовец). Можно лишь заметить, что идею воздаяния по заслугам в Таро выражает карта Правосудие, и эта карта, с которой ассоциирует себя героиня, завуалированно появляется в стихотворении «Дом» («Ты зовешь меня к себе на небо»)³.

³ Значение карты Правосудие (Справедливость), с которой ассоциирует себя героиня, действительно имеет много общего с ее поэтическим автопортретом. Правосудие – символ с широким значением, и в его смысловое поле попадают: спра-

Совершившаяся трагедия, однако, ведет к необходимости искать новый смысл бытия («Пустыня, «Все так привычно... Ночь без сна», «Дом»). Помимо неизбежного перемещения из земного дома в посмертную обитель («новый мир заблещет») открывается перспектива активного действия. Всё осознавшая героиня возлагает на себя обет, она готова начать одинокий путь в поисках истины, на что у них с Петерецем в свое время не хватило сил. Черты искомого принципиально расплывчаты, оно носит глубоко личный характер («моя непостижимая святыня»). Истина находится вне учений и конфессий и искать ее нужно в широком диапазоне «у природы, у книг, у людей», причем результат не гарантирован и отодвинут на неопределенный срок. Момент нахождения – гипотетическая точка в конце биографического сюжета:

И в этот миг я обрету свой дом
И кто-то тихо скажет мне: – Свершилось.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 68]

Обозначив таким образом инвариант биографического сюжета Крузенштерн и сопровождающие его мотивы, рассмотрим их развитие в каждом разделе.

В разделе **«Сонеты»**, включающем венки сонетов «Пустыня» и еще три текста («Искупление», «Музыка», «Незнакомке»), раскрывается жизненный путь главной героини. Рассмотрим более подробно венок сонетов.

Здесь разворачивается последний этап биографического сюжета – попытка понять сложившееся положение и обрести новый смысл после того, как всё рухнуло. Героиня в прошлом успешно совмещала наслаждение жизнью и роль сурового судьи, однако после пережитой трагедии легкое радостное начало ушло из ее жизни, а гордая жестокая праведность оказывается мучительной и не богоугодной. И то, и другое противопоставлено истинно христианскому настрою и обретению истины, но достижение все-

ведливость, беспристрастность, завышенная самооценка и фанатизм. Кроме того, карта описывает высшее правосудие, воздаяние по заслугам (см. [Таро..., 1999, с. 73–77; Банцхаф, Хеммерлайн, 2005, с. 48; Курс ГОМа..., 2010, с. 20]). Героиня, с одной стороны, является жестоким судьей, она судит и осуждает себя и других (отсюда линия ассоциаций: Великий Инквизитор, гонения, Сальери). С другой стороны, произошедшая с ней трагедия – расплата и воздаяние за прожитую жизнь. «Неизбежный фатум», преследующий ее – это не только рок, жребий, синоним враждебного человеку мира, это еще и причинно-следственные связи в ее собственной судьбе.

го этого – вопрос далекой перспективы. Первый этап биографического сюжета (легкомысленная юность) соответствует положению до трагедии, когда были возможны «совмещение» противоположностей, максимальная полнота жизни. Второй этап (брак с Петерецем) только намечен самим упоминанием «веселого поэта» и словами «мне тогда, влюбленной и невесте». Смерть Петереца и связанный с ней мотив расплаты представлены в затемненном виде «казни» и «распяты».

Тематическое содержание первых 4-х сонетов состоит в противопоставлении нынешней и прежней жизни. Для интерпретации собственного пути героиня использует аллюзии на исторических и литературных героев-антиподов: Моцарт и Сальери, разбойник и Пилат, причем ее нынешнее состояние соответствует именно надменному и гордому персонажу. Героиня, занятая нравственной самокритикой и расчетами с совестью, стремится отгородиться от людей. Это состояние описывается с помощью словесных формул «пустыни» и «пещеры» и других понятий традиционной аскетики (греховность, смирение, крест, келья, молитва, подвиг). Но уединение приносит лишь страдание, тоску и осознание своего бессилия и ничтожества.

Антитезой нынешнему состоянию служит описание ее прошлого в 5–8 сонетах. В прошлом оба начала, веселое и суровое, удавалось совмещать, даже если это было морально спорно. Но бурная «языческая» молодость с ее имморализмом, творчество и мистицизм – всё оказалось фальшивым, за что героиня поплатилась потерей всего (в 6-м сонете это превращение в «затравленную, черную сибиллу»). Уходящее время жизни («точнейший счет часам и датам»), приближение смерти заставляет героиню переосмыслить свои идеалы.

В финале героиня находит такую позицию, которая позволяет ей не отказаться ни от перспективы духовного пути, ни от принципиально важных для нее воспоминаний и оценок. В ее системе ценностей прежние бездумность, беспечность, погоня за счастьем противопоставлены нынешнему суровому и возвышенному поиску истины.

Юстине Крузенштерн свойственно использование многочисленных аллюзий на литературных и исторических героев. Особенно важным это сопоставление становится в разделе «**Зеркала**». Сюжеты мировой литературы служат своего рода «зеркалами», глядя в которые героиня познает собственную жизнь, свой биографический сюжет. Автор широко использует переосмысленные сюжеты при раскрытии ключевой темы.

Темы ревности и измены связаны с такими именными сюжетами, как *Шехерезада*, *Отелло* и *Дон Жуан*. Соответствующие стихотворения названы именами «страдательных» героинь в этих сюжетах: стихотворения «Шехерезада», «Дездемона» и «Донна Анна». Во всех трех сюжетах мировой литературы актуализирован общий компонент: жена ждет расправы из-за измены, в которой она не виновата. В стихотворениях Юстины Крузенштерн оценка этого центрального компонента претерпевает изменение при движении от первого текста к третьему. Шехерезада, замученная всевластным супругом и ожидающая незаслуженной казни, вызывает сочувствие. Во втором стихотворении уже заметно оправдание Отелло, его поступок – проявление жестокой, но искренней человеческой природы.

А он, этот черный Отелло
Он рядом с тобой и со мной,
Он – тяжесть, он – брэнность, он – тело,
Он весь – кровяной и земной!
Врывается в душные спальни,
В грехи ненаставших времен,
Чтоб было еще нам печальней,
Убийцам своих Дездемон.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 27]

В третьем стихотворении чаша весов уже склоняется в сторону ревнивица, защищающего «очаг»: героиня-вдова превозносит покойного Командора и обличает Донну Анну, выбравшую «пошляка» Дон Жуана вместо помертвой верности⁴.

⁴ Если сопоставить это с воспоминаниями Крузенштерн, схема «суровый оберегающий муж – молодая жена» более точно описывает ее первый брак, в котором ее муж Степанов был намного старше и относился к жене покровительственно, в то время как Петерец сам был объектом опеки. Вот что сообщает об этом автор: «У меня появился друг, ставший вскоре моим мужем, Семен Федорович Степанов, последний директор последнего отделения Русско-Азиатского Банка во Владивостоке, блестящий лингвист, литературовед, цитировавший в подлинниках целые страницы из французских и китайских поэтов. Одна дама написала на него эпиграмму, которую он очень любил:

Фигурой чуть поменьше танка,
По убеждениям кадет,
В поэзии директор банка,
В финансах истинный поэт.

Таким образом, в стихотворениях этого раздела деспотизм любящего, ревность и власть над любимым амбивалентны, их проявления варьируются от заботливой охраны объекта любви до его уничтожения. Говоря о вымышленных персонажах, Юстина Крузенштерн может ассоциировать себя и с любящими мучителями, и с их жертвами. В стихотворении биографического характера она идет еще дальше – оба любящих героя своеобразно проявляют свою власть друг над другом даже после смерти одного из них.

В «Зеркале» узнаваем 3-й этап биографического сюжета: вдова мысленно беседует с умершим мужем, пребывающим «в сферах», но напоминающим о своих правах на нее и после смерти. Примечательно, что здесь в состоянии героини отсутствуют мотивы опустошенности и уныния, характерные для этого этапа, напротив, она жизнерадостна и полна сил. Всё земное и теплое оказывается любимее вечного и небесного, и героиня отказывается удалиться к умершему. Однако эта тема развивается лишь в первых 18 строках, а затем героиня предлагает нечто очень странное – отправить в загробный мир некую «другую», и следующие 18 строк оставляют впечатление зашифрованности.

Принимая во внимание важность оккультной тематики для Юстины Крузенштерн, мы можем предложить следующую гипотезу. В стихотворении описан магический ритуал, порожденный синтетическим переживанием прочитанной автором оккультной литературы. Это не буквальное повторение действий, описанных в трудах Папюса (Ж. Анкоса) или Мебеса (Г. О. М.), однако в стихотворении используются их элементы: начертание защитного круга, манипуляции с зеркалом, применение магических Арканов [Анкос, 1998; 2004; Г. О. М., 2018].

В основе ситуации лежит миф о том, как Изида воскрешает Осириса, убитого Сетом. При этом происходит контаминация: героиня приписывает себе признаки Изиды (любовь к земле, растительные мотивы, вдовство), но одновременно и признаки убийцы, Сета, один из атрибутов которого – крокодил (отсюда и образ «женщина с душою крокодила»). Она намекает,

Прожили мы с Семеном Федоровичем недолго, но всё же наш кратковременный брак я не могу назвать совсем неудачным. Хотя Семен Федорович был поэт довольно посредственный, что-то из своих огромных знаний он мне передал, а главное вздернул на дыбы своим мужским сочувствием:

– Одна ты погибнешь» [Крузенштерн-Петерс, 1998, с. 66].

что виновна в его смерти: «Что с того что ты замучен мною? / Я-то ведь здорова и жива» [Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 32].

Героиня пытается воскресить покойного, вернуть его на землю из загробных «сфер» и для этого проводит ритуал с зеркалом. Она отправляет в мир мертвых своего двойника.

Помню... ты любил меня холодной,
Гордой, словно лебедь над водой
И такую царственно-свободной,
Недоступной блоковской звездой.

Я о той нисколько не тоскую –
Так не будь и ты тоской томим.
Хочешь? я пошлю тебе другую,
Названную именем моим.

Ей шестнадцать лет... шестнадцать весен...
Жизнь ее прозрачна, как ручей,
И в глазах ее – такая просинь,
Как у той... у прежней... у твоей.
[Там же, с. 32]

Голубые глаза, с одной стороны, являются аллюзией на Л. Андресен, у которой также были голубые глаза и которая была предметом любви Н. Петереца в харбинский период его жизни. С другой стороны, облик этой девушки отсылает к 8-й карте Таро Эттейла (Справедливость, Justice), что перекликается с именем автора – Юстина. Смерть, ожидающая двойника, иносказательно называется «Тринадцатый Аркан». Возвращение почти удается, однако в последний момент героиня, «женщина с душою крокодила», прерывает ритуал.

Бормотала... В зеркало глядела...
Начертила знаки на кругу.
А к полночи распрямила тело,
С торжеством воскликнула: Могу! –

В комнате за синими шелками
Вздыбится горячечный туман,
Девушку с лилейными руками
Захлестнет Тринадцатый Аркан.

И вплывет звенящее кадило,
Оттого что, сжав красивый рот,

Женщина с душою крокодила
Зеркало о камень разобьет.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 32]

Общая логика этого действия – смирение перед судьбой. Героиня предпочитает оставить всё как есть, отказывается от попыток вернуть ушедшее. Финальный образ – зеркало, разбитое о камень, – отсылает к семантике корня «петер» в фамилии «Петерец» («петер» значит «камень»).

В разделе «Дом» главный символический образ играет ту же роль, что и зеркало во втором разделе. И дом, и зеркало служат для отражения некоего настроения, того или иного этапа жизни героини, открывают ей правду о ней самой. Раздел включает 4 стихотворения с одинаковым названием «Дом». Это 4 разных дома, 4 направления в трактовке одного символа, но композиция раздела создает иллюзию, что это один дом, манящий героиню, чтобы она смогла разгадать главную тайну своей жизни. Первые три дома (пугающий героиню, похожий на нее и потусторонний) связаны со страхом смерти, скоротечностью жизни, с мотивами предчувствия, подстерегающего несчастья. Последний дом, ее собственный, служит для раскрытия биографического сюжета.

О значимости образа дома для Юстины Крузенштерн говорит тот факт, что в ее воспоминаниях неоднократно встречается параллель между домом и душой. Упоминается поразивший ее страшный дом в Комендантском переулке, где произошла кровавая трагедия [Крузенштерн-Петерец, 1994, с. 38]. Начало журналистской карьеры в помещении, которое до изъятия было домом ее семьи, воспринимается как благословение из прошлого, добрый знак возвращения к норме [Крузенштерн-Петерец, 1998, с. 70]. Слово сочетание «обреченный на слом» и в стихах, и в мемуарах относится и к домам, и к человеческим душам. Кроме того, дом – материальное воплощение прошлого, уничтожение старых домов равно уничтожению памяти, эпохи.

Как и в прочих случаях, мистические ощущения и события, которые в мемуарах обозначены сжато, в поэзии разворачиваются в целую картину. В стихотворениях с домом связаны темы осмысления прожитой жизни, близость смерти, старость, духовный поиск.

В стихотворении «Дом» («Как не люблю я пошлости музеев») воображаемое вхождение в собственный старый дом означает погружение в воспоминания, дом является материальной оболочкой прожитой жизни, проход по нему – способ раскрыть биографический сюжет. Мысленно войдя туда и узнав свои вещи (черновики, гороскопы, оккультные книги, труды

Папюса), героиня погружается в свое прошлое. Композиция стихотворения «Дом» ретроспективна. Воспоминания (второй и третий этапы биографического сюжета) разворачиваются в обратном порядке:

- описание смерти ее мужа, его мучения от жара и последние слова;
- воспоминания об их счастливых днях, сопровождаемые цепочкой ассоциаций и микросюжетов, в которых прослеживается мотив предначертания;
- еще более ранние воспоминания об их совместных безрезультатных поисках истины;
- историю супругов прерывают беспорядки на площади, некое историческое потрясение;
- последняя картина – воображаемое пространство России и визит Калиостро.

Стихотворение обозначает мистическую подоплеку жизненного краха супругов. У самой героини отношение к мистике и оккультизму двоякое. Она отворачивается от сложных вопросов, предпочитая наслаждение реальным миром (поэзией, чувствами, эмоциями). Глубины оккультного знания ей не интересны, она их терпит только ради своего спутника.

Опять эти темные чары!
Ты в мире таинственных звуков!
Ты книги коснулся Зогара, –
Как странны еврейские буквы.
Вникать в них – не вижу я толку,
Они только душу смущают.
Я книги поставлю на полку
Налью тебе крепкого чаю.
Зачем уходить в Сефироты
Когда на земле так уютно?
Но ты замолчал отчего-то
И взгляд твой становится мутным.

[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 63–64]

Однако очевиден ее интерес к идее, что судьба уже предначертана и может быть увидена оккультными методами. Свою ошибку она видит не столько в обращении к оккультизму, сколько в том, что упустила главное (предупреждение о предстоящей «Голгофе»).

Мотив зловещего предсказания, судя по мемуарам Крузенштерн, был для нее биографически значимым. В воспоминаниях нет сведений о том, что она лично занималась гаданиями. Случаи, когда она невольно предска-

зала будущее, отмечены именно как удивительное совпадение. Но она получала предсказания от других. Мистически настроенная поэтесса Мария Коростовец в 1944 г. предрекла ей потерю всего, одиночество и бегство, и это предсказание сбылось. Автор сообщает об этом факте сдержанно: «Мир Марии Павловны – мистика, священное писание и йога, буддизм, оккультизм, гороскопы. Она составила мой: “Вы останетесь одна, совсем одна, уедете далеко, но все будете одна, одна”, как будто в трансе повторяла она, читая свои таинственные знаки, “и все это будет очень, очень скоро”. Через месяц заболел мой муж, и я его схоронила. Потом брат. Последней ушла мама. Я осталась одна» [Крузенштерн-Петерец, 2000, с. 145]. В стихах эта тема развивается шире, хотя и здесь героиня ощущает себя скорее реципиентом предсказаний, чем их автором. Чтение судьбы по гороскопу и линиям на ладонях, воображаемый разговор с ведуньями в Карпатах – действия, еще сохраняющие красивый мистический ореол и раскрывающие правду (в отличие от венка сонетов «Пустыня», где солгавшая гадальная карта подводит героиню). В эпиграфе к стихотворению «Дом» утверждено:

Моя судьба по звездам прочтена
По компасу проложена дорога.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 57]

Попытка познать прошлое, найти в нем тайное объяснение происходящего – вторая волнующая ее тема. История предков в этом смысле представляет интересный пример. В мемуарах Юстина Крузенштерн подчеркивает в своей родословной предков-шведов [Крузенштерн-Петерец, 1994, с. 123], адмирала Крузенштерна [Крузенштерн-Петерец, 1997, с. 125], делает акцент на их подвигах и достойном поведении. Но в поэзии появляется мотив дурного наследия – особая страстность и склонность к фантазии и творчеству («злая закваска... / Злой подарок от предков, / Что кровь отравили мою» [Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 43]) В стихотворении «Дом» упомянута некая прабабка – любовница хана, живущая под той же звездой, что и героиня. Ей важно указать на родство судеб, свое сходство с этой магически одаренной женщиной.

Но какое она заклинанье шептала,
Что к утру на восток повернула орда, –
Это может быть чуткая ночь услышала,
Это может быть в небе узнала звезда.

Та, что отблеском голубоватым, случайным
Странный врезала знак на ладонях моих,
Чтоб связать нас с тобою мучительной тайной
И навеки закрепить обоих.
[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 61–62]

История Европы также обнаруживает тайное предсказание того, что происходит с героями, однако его суть, пусть и с опозданием понятая героиней, остается так и не раскрытой для читателя. Корни этой трагедии связаны с оккультной герметической традицией, проявлявшей себя во времена альбигойцев и тамплиеров, в XVIII в. (Калиостро), в мистических исканиях XIX–XX вв. Как и проклятие тамплиеров в стихотворении «Искушение» о Марии-Антуанетте, зловещее предупреждение героине порождено мистиками Средневековья:

Альбигойцы! Какой печатью
Запечатали вы свой бред?
Почему не могла понять я, –
Что пропел провансальский поэт?
А ведь эти ажурные строфы
Создались для грядущих – нас,
Говорили о муках Голгофы,
Наступающих в некий час.
[Там же, с. 63]

Иррациональное, недоговоренное объяснение произошедшего содержится в последнем «видении». В нем использован «миф о Калиостро», однако без характерного для его русской адаптации любовного треугольника [Климова, 2014]. Русский барин-масон, обладатель орденов и титулов, в Петербурге принимает в гостях знаменитого мага. Встреча сопровождается мотивом дурного предчувствия, в эпизоде также появляется луна, ассоциативное поле которой включает искажение истины и иллюзорность. Всё это привносят в сцену зловещий оттенок и предсказывает трагический поворот событий. Масон пытается задать вопрос о главном – о философском камне – однако вместо посвящения получает внезапную смерть, причем неясно, убийство это или нечто иное («...струею темно алой, / Кровь хлынула на белое жабо» [Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 67]). Калиостро обманщик не потому, что он не владеет никакими секретами, а потому, что он не собирается ими делиться.

Обман, обман повсюду... но за что же
Я всюду видеть смерть обречена?
И скалит, словно дьявольская рожа,
Свой гадкий рот ущербная луна.

И вместе с ней смеется проходимец,
Носитель соблазнительных химер:
– Кончается империи любимец
И орденов высоких кавалер! –

Так обжигает душу, словно пламень,
Прикосновенье к таинствам планет.
Неосвязаем философский камень,
Но ощутим, как суета сует!

[Крузенштерн-Петерец, 1946, с. 67–68]

Олицетворяемое Калиостро оккультное движение принципиально непроницаемо, диалог с ним бесполезен, а за попытки открыть тайны вселенной и нарушить ее законы следует тяжелая расплата – смерть. Гибель масона дает наблюдающей героине подсказку о мистической причине смерти Петереца, но ее суть намеренно оставлена расплывчатой («Я просыпаюсь от большого сна, / В котором что-то смутно разгадала» [Там же, с. 68]).

Итак, в раскрытии собственного биографического сюжета автор использует образ кающейся грешницы, пострадавшей не только за свое легкомыслие, но за некую мистическую вину, но при этом создает вокруг этой вины ореол тайны благодаря введению множества оккультных мотивов. Истинная природа совершенной ошибки остается зашифрованной. Сопоставление с мемуарами не помогает пролить свет на эту тайну, но демонстрирует различие между построением поэтической автобиографии и положительного автопортрета в воспоминаниях. В стихах сознавшись в слабости и поражении, автор создает сильный и позитивный образ самой себя в мемуарах.

Список литературы

Андерсен Л. Н. Одна на мосту. М.: Русский путь, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2006. 377 с.

Анкос Ж. Практическая магия. М.: АСТ, 1998. 699 с.

Анкос Ж. Предсказательное Таро. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 347 с.

Бакич О. Остров среди бушующего моря // Новый журнал. 2005. № 239. С. 174–200.

Банцхаф Х., Хеммерляйн Э. Ваш спутник Таро. Таро Райдера-Уэйта и Таро Тота Алистера Кроули. Практическое руководство. СПб.: Весь, 2005. 208 с.

Г. О. М. Курс энциклопедии оккультизма. Н. Новгород: Москвичев А. Г., 2018. 518 с.

Герра Р. Когда мы в Россию вернемся... СПб.: Росток, 2010. 668 с.

Забяко А. А., Землянская К. А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции // Религиоведение. 2013. № 3. С. 177–211.

Забяко А. А., Эфендиева Г. В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.

Землянская К. А. Мистика и магия в жизни русского Харбина 1920–1940-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10. 422 с.

Климова М. Н. Три русские версии «Калиостровского мифа» (Алексей Толстой, Иван Лукаш, Григорий Горин) // Вестник ТГПУ. 2014. № 11. С. 72–77.

Кондалева Е. А. Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») // Религиоведение. 2018. № 2. С. 140–153.

Крузенитерн-Петерец Ю. Стихи. Книга 1. Шанхай: [б. и.], 1946. 78 с.

Крузенитерн-Петерец Ю. В. «У каждого человека есть своя родина». Воспоминания // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 17–132.

Крузенитерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 124–210.

Крузенитерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 25–83.

Крузенитерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1999. – № 6. С. 29–104.

Крузенитерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 93–149.

Курс ГОМа – главная книга о Арканах ТАРО / Сост. Н. А. Брунов. СПб.: Изд-во Александра Сазонова; РИФ «Роза мира», 2010. 110 с.

Перелешин В. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2011. № 11 (873). С 179–225.

Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.

Таро: теория и практика. Полное описание системы Артура Эдварда Уэйта / Под ред. А. Костенко. Киев: София, 1999. 384 с.

References

Andersen L. N. Odnа na mostu [Alone on the bridge]. Moscow, 2006, 377 p. (in Russ.)

Bakich O. Ostrov sredi bushuyushchego moray [An island in the storming sea]. *New Review*, 2005, no. 239, pp. 174–200. (in Russ.)

Banzhaf H., Hemmerlein E. Tarot as your companion. The Rider-Waite and Crowley Thoth Tarot Decks. A practical guide. Trans. from Eng. St. Petersburg, 2005, 208 p. (in Russ.)

Encausse G. Prakticheskaya magiya [Practical magic]. Moscow, 1998, 699 p. (in Russ.)

Encausse G. Predskazatel'noe Taro [Tarot foretelling]. Rostov on Don, 2004, 347 p. (in Russ.)

Gerra R. Kogda my v Rossiyu vernemysya... [When we are back to Russia...]. St. Petersburg, 2010, 668 p. (in Russ.)

G. O. M. Kurs entsiklopedii okkul'tizma [Encyclopedia of the Occultism]. Nizhniy Novgorod, 2018, 518 p. (in Russ.)

Klimova M. N. Tri russkie versii “Kaliostrovskogo mifa” (Aleksey Tolstoy, Ivan Lukash, Grigoriy Gorin) [Three Russian Versions of the “Kaliostro Myth” (Alexei Tolstoy, Ivan Lukash, Grigory Gorin)]. *Bulletin of TSPU*, 2014, no. 11, pp. 72–77. (in Russ.)

Kontaleva E. A. Okkul'tizm i mistika na stranitsakh kharbinskoy periodiki (po materialam zhurnala “Rubezh”) [Occultism and mysticism on the pages of Harbin periodicals (on the materials of the journal “Rubezh”)]. *Religious studies*. 2018, no. 2, pp. 140–153. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. Stikhi. Kniga 1 [Poems. Book 1]. Shanghai, 1946, 78 p. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. “U kazhdogo cheloveka est' svoya rodina”. Vospominaniya [“Everyone has his motherland”. Memories]. *Russians in Asia*, 1994, no. 1, pp. 17–132. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memories]. *Russians in Asia*, 1997, no. 4, pp. 124–210. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memories]. *Russians in Asia*, 1998, no. 5, pp. 25–83. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memories]. *Russians in Asia*, 1999, no. 6, pp. 29–104. (in Russ.)

Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Vospominaniya [Memories]. *Russians in Asia*, 2000, no. 7, pp. 93–149. (in Russ.)

Kurs GOMa – glavnaya kniga o Arkanakh TARO [GOM's Course – the main book of Tarot Arcanes]. Comp. by N. A. Brunov. St. Petersburg, 2010, 110 p. (in Russ.)

Pereleshin V. Dva polustanka. Vospominaniya svidetelya i uchastnika literaturnoy zhizni Kharbina i Shankhaya [Two halts. Memories of a witness and participant of literary life in Harbin and Shanghai]. *Border. Pacific Almanac*, 2011, no. 11 (873), pp. 179–225. (in Russ.)

Slobodchikov V. A. O sud'be izgnannikov pechal'noy... Kharbin. Shankhay. [Of the sad fate of exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, 2005, 431 p. (in Russ.)

Taro: teoriya i praktika. Polnoe opisanie sistemy Artura Edvarda Ueyta [Tarot: theory and practice. Full Description of Arthur Edward Waite's System]. Ed. by A. Kostenko. Kiev, 1999, 384 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Efendieva G. V. "Chetvert' veka bezhenskoj sud'by..." (Khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina) ["A Quarter of a Century of Refugee Fate..." (The Artistic World of Russian Harbin Lyrics)]. *Blagoveshchensk*, 2008, 428 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Zemlyanskaya K. A. Teosofskaya utopiya v kul'turnoj zhizni dal'nevostochnoj emigratsii [Theosophical utopia in the cultural life of the Far East emigrants]. *Religious studies*, 2013, no. 3, pp. 177–211. (in Russ.)

Zemlyanskaya K. A. Mistika i magiya v zhizni russkogo Kharbina 1920–1940-kh gg. [Mysticism and magic in Russian Harbin in 1920–1940s] In: Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. (eds.). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Etnokul'turnye protsessy v politicheskom kontekste* [Russia and China on the Far-Eastern Borders]. Blagoveshchensk: Amur State Uni. Press, 2013, vol. 10, pp. 323–335. (in Russ.)

Информация об авторе

Анна Александровна Богодерова, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН; доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Anna A. Bogoderova, Candidate of Sciences (Philology), Junior Researcher, Institute of Philology SB RAS; Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*